

ГЛАВА 1

Почты не было.

— Может, завтра кто закинет. Если будет оказия. Может, послезавтра. Может, в среду, — пожал потемневшим от дождя плечом поручик Ельцов. Он не видел разницы, ибо не был влюблен.

Но Мурин, услышав это, чуть не расплакался от обиды и досады, поспешил отвернуться, сделал вид, что очень уж озабочен, как бы половчее пристроить повод. Шея коня была темной от дождя и пота, грива висела плетьюми, шерсть набухла от влаги, а низкое свинцовое небо собиралось наддать еще. Они только что вернулись из объезда — искали французские дозоры (не нашли). Мурин провел по шее коня рукой, как бы отжимая, отряхнул брызги. Стряхнул брызги с кивера. Разозлился:

— Черт знает что такое! Свинство!

Он был зол сразу на все — на дождь, на грязь, на французов, на бестактного Ельцова, на лентяя курьера, который сваливал все почтовые мешки в штабе, чтобы они там дожидались, когда рак на горе свистнет. А пуще всего злился Мурин на Нину. Вот уж два месяца от нее не было ни листка. Что стоило послать

хоть записку? Что за финты? Разозлился — но тут же подумал: а вдруг больна? Или вообще умерла. В Петербурге с его промозглым климатом, особенно осенью, это запросто: еще ночью весело скакала в душевной бальной зале, утром озноб, а вечером — несут гроб. Сердце тут же тяжело застучало. Измученный и оступевший от усталости ум был готов верить во что угодно.

— Мурин, ты чего? — удивился Ельцов. — Ты куда?

Но Мурин уже снова лез в седло. Зад его взмолился о пощаде, казалось, там образовалась сплошная мозоль, твердая и красная, как у особого рода обезьян. Хотелось сползти и лечь прямо на землю. Мурин фыркнул, дал повод. Но Азамат, его конь, не сдвинулся ни на йоту, только покосился недоверчиво и жалобно: мол, серьезно? Мурину стало совестно перед верным товарищем.

— Ну пожалуйста, — взмолился.

Азамат вздохнул, почти как человек, которому поручили неприятное задание, исключительно зная его доброе сердце, и, чмокнув, вынул копыта из грязи, чтобы снова в нее погрузить, побрел обратно к размокшему руслу, называемому подмосковной дорогой. Мурин поклялся себе, что едва доедет до отряда Давыдова, выпросит для Азамата хоть клочок сена, а как только доберется до штабного села, то и овса, сколько бы тот ни стоил.

Безлюдный осенний пейзаж расстился, покуда хватало глаз. Ветер обрывал последние желтые листья.

Березы казались особенно продрогшими, а редкие ели — особенно колючими. Мурин ехал и представлял себе Нину в гробу. Передернул плечами. «Чушь». Если рассудить... Уж такую новость кто-нибудь наверняка сообщил бы своему в полк, а этот свой непременно прочел бы вслух товарищам: ба! — слышали? — княгиня Звездич! — фьють — горячка — а как была хороша.

«То-то и оно, то-то и оно, прочел бы!» — заворочались в ответ другие мысли: весь фокус в том, что было что прочесть. Письма из Петербурга в действующую армию шли регулярно с самого начала войны. Писали жены мужьям, матери сыновьям, невесты женихам, писали дедушки, друзья, тетушки, любовницы, кормилицы, студенты, братья, сестры, кузины, дядюшки, бывшие гувернеры и учителя русского языка. Строчили, корябали, выводили. Пересказывали сплетни, делились новостями, надеждами, тревогами, рассказывали о прочитанных романах и премьере «Дмитрия Донского» (при слове «отечество» зал вскочил в порыве, многие рыдали, несколько дам подчеркнуто упали в обморок). И только Нина не прислала и записки. Почему? Хороший вопрос. Ответа на него не было. Вернее, был, и даже очевидный, но такой, что Мурин не проехал и трех верст, как не только обсох, а даже и пылал от бешенства.

Только этим можно объяснить то, что случилось потом.

Сперва, правда, Мурин решил, что уснул дорогой и спит наяву.

Такое с ним случалось во время длинных маршей отступления, когда сутками не сходили на землю. Происходил этот сон наяву обычно так. Сперва седло под Муриным начинало как-то слишком уж раскачиваться. Будто лодка или колыбель. Мир качался в такт, но при этом запаздывал на четверть мига, как неуклюжий партнер в танце. Затем где-то в задней части головы как бы растягивалась черная ширма. И на ней начинали двигаться удивительно яркие цветные картины. По их слегка ядовитой яркости Мурин и понимал, что спит. Глаза его при этом были открыты, уставлены вперед. Но крупы лошадей и спины товарищей впереди, небо, затоптанные конницей поля, обгорелые остовы деревень скользили по его глазам, как по двум выпуклым стеклянным пуговицам. Только в самый первый раз, когда в голове вдруг расцвели лихорадочно-яркие видения, Мурин испугался, что спятил. Потом привык и уже спал с открытыми глазами запросто.

В этот раз он тоже сперва решил, что просто спит.
...Пам!

Никак выстрел? Голоса донеслись как сквозь воду. Голоса были русские, это точно. Мурин вскинул голову, обернулся, заметил за деревьями яркие пятна. Он еще не сообразил, что к чему, а Азамат уже направился туда, угадав желание всадника. Мурин едва

успел пригнуться, проехав под ветками, холодные капли сорвались, окропили его. Он выехал на поляну. Краски — неожиданно яркие в серо-буром подмосковном лесу — заставили сердце екнуть. Синий всегда бьет по глазам в соседстве с белым, хоть и — как сейчас — замызганным. А уж после Бородина все французские мундиры заставляли екать сердце. Но сейчас эти французы не скакали, не орали, наострив сабли или пики, а на своих двоих стояли в ряд посреди поляны. Их плечи были сутуло опущены. Руки болтались, как пришитые. Пленные, понял Мурин. Его воспаленным от усталости и бессонницы глазам показалось, что красные детали на их воротниках и плечах шевелятся, как кипящее варенье. Все стояли, а один лежал. Пам!.. — и следующий синий француз осел, подогнув белые голени. Так же тихо кровь стала расползаться вокруг его головы. Затем Мурин увидел усача в растрепанных бакенбардах и с дымящимся пистолетом в руке. Тот деловито сунул пистолет ординарцу, взял из его рук другой, заряженный, перешел к следующему пленному. Приставил дуло к его виску. Пам!..

Мурин опять вздрогнул, и наконец тупость следа с него. Скатился из седла:

— Ты что, падла, творишь!

(Как все юноши его круга, он был с пеленок воспитан французскими нянями и гувернерами, и как все — с начала войны весьма развил свой русский

язык в общении с солдатами, хоть и не в том направлении, которое бы одобрил гувернер.)

Мурин сграбастал падлу-усача за грудки, встряхнул, притянул:

— Спятил? Пистолет! Сюда! Живо!

Усач и ухом не повел. С веселой наглостью изучал его лицо. Мурин видел собственное отражение в его глазах, ясных и светлых, совершенно спокойных. «Уж точно ли я не сплю?» — усомнился он и только тогда заметил остальных. Они стояли вокруг, глазели. Все в русском платье и заросшие, но оружие было армейским, выправка военной, а под космами на мордах можно было угадать усы и бакенбарды, как в одичавшем саду угадываются очертания когда-то стриженных садовником куртин. Партизаны, вспомнил Мурин новое слово.

— Чего лупитесь! — крикнул им. — Сюда!

Но и тогда никто не дернулся ему на помощь: вязать спятившего. Мурин перевел взгляд ему в лицо, в глаза. Такие чистые и пустые, что Мурин невольно ощутил внутри себя дрожь, будто наступил на гадюку.

— Ты что, сволочь, творишь, — повторил.

Усач внезапно расхохотался. Смахнул руки Мурина, точно они были ватные. Оборвал смех, сомкнул красиво изогнутые губы. На лице его была не то чтобы скучающая мина, а никакой вовсе.

— Да ну.

— Не нукайте, не запрягли!

Во взгляде усача впервые мелькнуло что-то, похожее на чувство. Злой интерес.

— А вам что до этого, ротмистр?

Но Мурин не собирался уступать.

— Убивать безоружных... Жестокость с пленными недопустима, господин... Не имею чести понять ваше звание в этом маскарадном платье.

Тишина. Среди глазевших побежал шепоток: «Ты что, ты что, оставь, это ж Долохов». А кто-то даже хмыкнул: это еще что за кретин? О Долохове, скандальном московском бретере, который был разжалован в солдаты, потом стал правой рукой Дениса Давыдова и в партизанских вылазках быстро прославился беспримерной смелостью, пошел вверх и стал уже чуть не полковником, об этом Долохове Мурин, конечно, слышал. «Черт побери».

— А вам не нравится мое платье? — процедил тот.

Краем глаза Мурин видел зернышки лиц вокруг. Неодобрение, любопытство, злорадство было написано на них.

— Мне не нравятся ваши поступки, — парировал Мурин.

Светлые глаза холодно уставились ему в лоб.

— Вот оно как... — процедил Долохов. — Кто же это у нас такой чувствительный? Надо же. С таким нежным сердцем — и уже ротмистр! Чудеса.

Стая тут же заворчала, подхватила:

— Набрали сосунков... Молоко на губах не обсохло... А командовать...

Зерно истины в этих попреках было. После Бородине звания в самом деле раздавали как баранки, как еще набрать офицеров?

На Мурина снова, как тошнота, накатило чувство, будто он спит. Действительность зыбилась и подрагивала, как подрагивает горячий воздух над степной дорогой.

«А я среди них один, — мелькнула мысль. И еще одна: — А спишут на французов».

Когда проваливаешься в страшный сон, важно хвататься за простые правила, прописные истины. Если повезет, вылезешь. Несколько таких простых правил Мурин на войне уже выучил. Например, то, что лицо у людей — на удивление твердое. Глупо бить по нему кулаком.

Мурин откинул голову и со всей силы врезал лбом Долохову в нос.

Услышал приятный мягкий хруст. «Рыло, может, сломал». Успел ощутить по этому поводу удовлетворение. А в следующий миг на него уже, конечно, кинулись, облапили, скрутили. И как бы выставили перед жожаком, предлагая тому решить участь незваного гостя. Мурин тяжело дышал. Вырваться нечего было и думать. Азамат тихонько заржал, топоча, мотая головой.

— Ишь, — Долохов потрогал нос тыльной стороной руки, которой держал пистолет. Опустил ее, устался на Мурина.

Кровь струилась из его носа, стекала в рот, капала с подбородка. Долохов держался с восхитительным равнодушием. Мурин не мог не отдать ему должное. Легенды о долоховском самообладании уже не казались преувеличенными.

Долохов стряхнул с пальцев кровь, сделал мимолетное движение в воздухе. Хватка вокруг Мурина тотчас разжалась. От него отступили, но недалеко. Тянули шеи, наблюдая за словесной дуэлью. Потеха!

— Куда ж тогда прикажешь девать эту сволочь? — спросил Долохов, как будто спрашивал в гостях, куда можно положить шляпу.

Мурин все не мог отвести глаз от его перепачканных кровью зубов.

— Пленных надобно доставлять... — Но куда доставляют пленных и что с ними делают потом, Мурин и сам не знал. В штаб?

— ...в указанное для этого место, — нашелся.

— Да у нас и кормить этих дармоедов нечем, — задумчиво заметил Долохов. Почесал лоб дулом пистолета. — Сами жрем что попало, да и то не каждый день. Людей лишних, чтобы нянчиться с ними, у нас нет. А таскать их с собой мы тоже не можем. Так нас быстро обнаружат.

— Зачем тогда в плен брали?

— В самом деле, — согласился Долохов легко. Так же легко, как только что убивал безоружных. — Не отпускать же их теперь.

Мурин понял, что имеет дело с законченным безумцем. Кровь капала и капала с его подбородка. Долохов, не глядя, промокнул рукавом.

— Что ж теперь с вами делать, а? — обернулся на пленных. Вернее, на пленного, потому что остальным уже все было равно: редкие осенние мухи собрались вокруг их быстро подсыхающей крови.

Стоял лишь один. Хотя говорили по-русски, он понял, что речь зашла о нем. Когда светлые глаза Долохова остановились на нем оценивающе, он заметно побледнел.

Долохов прищурился. Поднял руку с пистолетом, вытянул, нацелил на пленного француза, надул щеки, выдохнул:

— Паф.

Обернулся к Мурину:

— Ну и забирай его себе, раз такой умный.

Мурин посмотрел ему в лицо: шутит? Глаза у Долохова были все такие же — ясные и чистые. Совершенно неодушевленные. Мурин подошел к французу. Стараясь не смотреть ему в лицо и говорить тихо (опасался пробудить в людях лихо), бросил по-французски:

— Следуйте за мной.

И пошел к своему Азамату. Завидев хозяина, тот натянулся, как струна.

Но француз не двинулся. Громко («Ну что за идиот!») позвал:

— Господин офицер!

Мурин обернулся. Несколько партизан обернулись тоже — в глазах их проглянуло то самое лихо, которое опасался разбудить Мурин. И только француз было хоть бы хны:

— Мои сапоги.

Мурин посмотрел вниз, куда тот указывал. Француз стоял в мокрых чулках:

— Велите вашим товарищам вернуть мне сапоги.

Страх в его голосе Мурин не услышал, только легкую насмешку. Ему стало стыдно. Так и подмывало ответить: они мне не товарищи. Но это бы значило дать перед французом слабину. Так и подмывало рявкнуть: заткнись. Но и заискивать перед партизанами не хотелось. Мурин нахмурился. Он почувствовал, как взоры снова оборотились на него: новая потеха.

— Какие еще сапоги? — сказал по-русски, стараясь, чтобы вышло нетерпеливо и строго, и бросил по-французски: — Следуйте за мной.

— Скажите им, чтобы вернули мне сапоги.

Азамат нервно водил ушами, косил жаркими глазами. Мурин взял его под уздцы, похлопал по шее, успокаивая; его бы самого кто похлопал и успокоил!

Он чувствовал, что колени мелко дрожат, в ладонях покалывало. Все это могло кончиться дурно.

Долохов насмешливо крикнул по-французски:

— Сапоги тебе дать? Скажи спасибо, что живой. Морда вражья. В ножки поклонись, — перешел он на русский. — Второй раз так не повезет.

Француз не отступил:

— Без сапог я не смогу передвигаться. Господин офицер! — снова взмолился он, обращаясь к Мурину.

«Нашел же себе заступника», — разозлился тот про себя. Но все же подошел к Долохову:

— Велите вашим людям вернуть ему сапоги. Мне плевать, кто что у кого и почему взял, я не потащу его на своей лошади. Она устала, уж это-то вы, конный офицер, должны уважать.

Что-то человеческое впервые мелькнуло во взгляде Долохова. Он посмотрел на Азамата. Оглядел с головы до ног. Потом глянул сквозь Мурина. Не сразу, но поднял руку, щелкнул пальцами. Пара сапог упала перед французом.

— Это не мои... — попробовал было возразить тот. Но Мурин прошипел:

— Надевайте! Черт вас дерит.

Француз сел на траву, вырвал пучок, отряхнул, набил в мыски, стал натягивать на ноги черные трубы.

Долохов задумчиво смотрел Мурина в лоб своими чистыми глазами.

— Лошадь устала... — весело передразнил. — Эх, ротмистр, это цветочки. Ваши беды только начинаются.

ГЛАВА 2

Мурин за повод вывел Азамата из леса. Француз шел впереди, высоко вынимая из бурой травы ноги. Сам он был тощий. Ноги в длинных узких сапогах казались особенно голенастыми.

Мурин слушал спиной. Не собираются ли сзади пальнуть. «Нет, ну не до такой же степени они все... и этот Долохов тоже...» — возражал он-разумный, сам себе тому, у которого по спине от страха катил пот. Наконец позади опустился полог леса, и Мурин почувствовал себя спокойнее.

Сразу навалились опять и голод, и умственная тупость от дурного сна, и усталость, и досада. Опять впилась в сердце надежда. Мурин остановился. Теперь надо было решать, как же в самом деле быть. Ехать направо или налево?

Ситуация вырисовывалась былинная: витязь на распутье. Отличалась она от былинной только тем, что какое бы направление Мурин ни выбрал, коня наверняка угробит. Он на всякий случай посмотрел на товарища. Азамата тоже отпустило напряжение, от которого он несколько минут назад трепетал, как натянутая струна. Во всей осанке коня теперь видна была глубокая усталость. Уши разъехались в разные стороны,

точно не было никаких сил, чтобы собрать их вместе. Шерсть пропиталась потом и грязью. Бока ввалились, брюхо отвисло. Шелудивый одр, да и только. В животе у Мурина ныло от голода. Вдобавок начинало темнеть. О том, чтобы продолжать путь в штаб, нечего было и думать. Тут бы в полк вернуться подобру-поздорову. Или все же рискнуть и?.. Что, если в этот самый миг заветное письмо, письмо от Нины, жжет сквозь холстину почтового мешка? Как прожить еще один день? А может, два, или три, или вообще до четверга?

Француз тоже остановился, сорвал соломинку, сунул в рот, пососал, с любопытством разглядывая пейзаж. Обернулся на Мурина:

— Черт возьми, там, среди этой публики, я уж было...

— Вы можете не трещать хотя бы минуту? — вскипел Мурин.

Француз пожал плечами, вынул изо рта соломинку, отбросил:

— Как скажете.

И улыбнулся. Как бы всем лицом сразу: гармошка на лбу, гармошки на небритых щеках, морщинки вокруг глаз. Он был очевидно старше Мурина. Улыбался — а глаза всматривались в Мурина с опаской. «Да он же меня боится! — понял Мурин. — Как собаку бешеную... Не удивительно». Ему стало стыдно.

— Извините, — вздохнул. — Дело в том, что нам придется идти пешком.

И побрел в направлении, откуда совсем недавно выехал, кипя гневом, страстью и надеждами — и напрасно.

— Это-то я сразу понял, — с живостью заметил француз.

— Что? — на миг испугался Мурин: он что, читает мысли?

Но француз продолжал как ни в чем не бывало:

— Понял. Поэтому сапоги потребовал. Такие маленькие жилистые лошади, как у вас, обычно весьма выносливы, но уж коли устанет, то никакой силой с места не сдвинуть. А вы какого мнения?

Мурин глянул на его форму. Она была кирасирской. Кавалерист. Разбирается. Мурин смягчился:

— Так и есть. Но на самом деле он быстро приходит в себя.

Француз кивнул на Азамата:

— Что это за порода? Казацкая?

— Черкесская.

— Как-как?

Мурин повторил. Затем пришлось объяснить, кто такие черкесы и в какой части империи обитают. Француз спросил, сколько он платил за коня и в каком возрасте взял. Потом спросил, сколько еды выходит в неделю. Чем болел. Как тренировали. Каким шагом ходит лучше всего. Подыскал приличествующие случаю вопросы и Мурин, хотя кирасирские лошади — рослые и медлительные — никогда его не

интересовали. Француз отвечал охотно. Помолчали. Сеялся дождь. Стрекотал по бурным листьям. Оба вжимали голову, будто желали втянуть ее сквозь воротник совсем, как черепаха в панцирь.

— Вот что интересно. В каждой нации порода лошадей соответствует темпераменту местных женщин. Вы не замечали? — предложил новую тему француз.

Мурин сказал, что не замечал. Но тут же представил Нину. Можно ли сравнить ее с кобылой орловского завода? Он не заметил, как вытянул шею из воротника:

— Что вы имеете в виду?

Разговор опять ожил. Оба изо всех сил старались избегать опасных ям: ошибся ли Наполеон, решив зимовать в старой русской столице? И — кто сжег Москву: русские или французы? Обходили издалека. Говорили о женщинах (в основном француз) и лошадях (в основном тоже он). Так, за разговорами, и пришли. Звали француза Жан-Пьер Арман.

Это Мурин и ответил Ельцову, который поднял от подушки сонное лицо, заморгал, прищурился от света лучины и хрипло пробормотал: «А это еще кто?» Выслушал ответ. Выпучился:

— Ты что, Мурин, спятил? Где ты его взял?

Полковой командир сказал почти то же самое.

Рано утром Мурин отчитался ему о своем приключении. Подробности, которые могли возбудить

слишком много пустых вопросов, он выпустил, потому что ответов на них и сам не знал. Почему он вмешался? На это Мурин мог только пожать плечами с новенькими офицерскими эполетами.

Командир поскреб небритую щеку.

— Хм. На кой он нам?..

— Допросим!

— Хм. Допросить-то можно. Только нам оно зачем? Все приказы идут из штаба, а наше дело — выполнять.

Мурин испугался, что командир скажет, как Долохов: «На черта он нам? — Уведи и расстреляй».

Заговорил с преувеличенной энергичностью:

— Вдруг он сообщит сведения исключительной важности.

Командир посмотрел на Мурина с сомнением. У того заалело ухо.

— Ладно. Веди его сюда.

Мурин высунулся в сени. Француз стоял, прислонившись к стене. За ночь он еще оброс: цыган, да и только. Между запавшими щеками торчал длинный кривой галльский нос. Мурин пригласил его войти. Француз встревоженно посмотрел ему в глаза. И Мурин не выдержал:

— Все в порядке. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов.

— К вашим услугам. — Француз отлепил от стены тощее тело.

Из окошка избы сеялся неяркий свет. Пахло дымом от недавно протопленной печи. Командир стоял, заложив руки за спину.

— Добрый день, господин офицер, — любезно поприветствовал пленный.

Командир ответил тоже по-французски, и всем стало как-то неловко. На одном же языке говорят! Возникла какая-то неуютная моральная сложность. Но как вернуть делу простоту? Вести допрос по-русски и просить Мурина переводить? Тоже ахинея.

— М-да. — Командир почесал небритый подбородок и пустил пробный шар: — Ваше имя, звание, часть.

Жан-Пьер представился. В тепле командирской избы он расправил плечи, вытянул руки. Молодцевато назвал он отряд, и полк, и дивизию. Перечислил командиров. Отвечал он с видом человека, который весь как на ладони, ничего скрывать и утаивать не собирается. Только спросите. Умолк, ожидая продолжения. Его не последовало. Что еще спрашивать у словоохотливого пленного, командир не знал. Что у них обычно запрашивают? Где сейчас расположена ваша часть? Так понятно же где — где все: в Москве. Чем вооружены? А то мы сами не видели — Бородино ответило на все вопросы.

— М-да.

Полковой командир задумчиво посмотрел на Мурина.

— Вот что я думаю... — пробормотал по-русски, и от этого нехорошего начала у Мурина заколотилось сердце.

Но что думает командир, узнать он не успел. В сенях застучали сапоги, зазвенели шпоры, дверь распахнулась. Посыльный выкинул вперед руку с плоским пакетом:

— От господина главнокомандующего.

Мурин заметил шнур, сургучную штабную печать. Заметил и командир. Вмиг забыл о Мурине, о пленном, выхватил у курьера пакет. На ходу взломал печати, подошел к окну, поймал листом бледный свет. Мурин понял, что лучшего тактического момента не представится:

— Так я за ним присмотрю, за пленным этим? До дальнейшего прояснения.

— Да-да.— Командир уже хмурил брови, углубился в чтение, отмахнулся рукой.

Мурин скроил французу зверскую рожу: смотри не пикни. Пихнул его в плечо, прошипел: «Отсюда, живо». Поспешно вышел следом — в сени, с крыльца, во двор. Постоял. Подышал. Провел ладонями по лицу, будто умываясь, остановился на щеках. Фух, ну положеньице. Пленный стоял у крыльца и тревожно заглядывал Мурину в лицо:

— Что-то не так?

Мурин посмотрел на него сквозь свои растопыренные пальцы. Опустил руки.

— Все в полном порядке. Идемте.

— Что сказал ваш командир?

— Вас это не касается.

Француз поплелся за Муриным:

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru